

УСЛУГИ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ СЕМЬЯМИ

А.С. Сухова

В предлагаемой читателю статье представлен анализ услуг по уходу за детьми с точки зрения масштабов и факторов потребления российскими домохозяйствами. Работа выполнена на основе данных государственной статистики и обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)¹. Результаты анализа показали высокую потребность семей в институциональных услугах по уходу за детьми. Существующие структурные, финансовые и временные барьеры порождают неравенство в доступе домохозяйств к этим услугам. Масштаб потребления институциональных услуг по дошкольному и внешкольному воспитанию детей достигает 65 % для домохозяйств с детьми до 14 лет и значительно варьирует в зависимости от возраста ребенка. По итогам анализа выявлены следующие основные факторы, влияющие на потребление российскими домохозяйствами услуг по уходу за детьми: число и возраст детей, уровень образования и занятость матери, полнота семьи, социально-экономический статус домохозяйства, областной охват детей детскими дошкольными учреждениями, размер сети домохозяйства по неформальным услугам, частота встреч с бабушкой ребенка / детей.

Ключевые слова: услуги по уходу за детьми, воспитание и образование детей младшего возраста, дошкольное образование, детские дошкольные учреждения, детский сад, потребление

Автор выражает огромную благодарность О.В. Синявской, под научным руководством которой был подготовлен материал данной статьи, за советы и консультации на различных этапах работы, а также Я.М. Рощиной за ценные замечания и поддержку.

¹ Данные обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» любезно предоставлены автору Независимым институтом социальной политики (НИСП). Обследование было проведено НИСП и является частью паневропейской программы «Поколения и гендер».

Проблемы дошкольного и внешкольного воспитания детей часто рассматриваются в контексте вопросов образования. Более того, система дошкольного воспитания в России исторически находится в ведении Министерства образования. Однако для исследователей, работающих в сфере социальной и экономической демографии, занимающихся вопросами семьи, очевидно, что состояние этой сферы оказывает влияние и на репродуктивное поведение населения, и на то, как решаются вопросы о занятости взрослых членов семьи, и на будущие векторы социально-экономического неравенства [Esping-Andersen, 2002]. Но даже в контексте образования и развития человеческого потенциала услуги для детей полезно анализировать с точки зрения их доступности домохозяйствам, уходя от традиционного анализа сектора дошкольного образования.

Вопросы поддержки материнства и детства, решения конфликта между материнством и занятостью, доступности для семей услуг по уходу за ребенком и, тем самым, создания равных возможностей для развития детей, качества услуг и другие остро стоят в России и могут решаться только при соответствующих изменениях в социальной политике страны.

Некоторые последствия государственной политики в области поддержки материнства и детства, начатой в 2007 году, очевидны. Так, увеличение пособий и отпусков по уходу за ребенком не в состоянии полностью компенсировать потери, связанные с рождением первого ребенка или последующих детей [Овчарова, Пишняк, 2007]. При этом основным и главным критерием благосостояния семей с детьми остается размер трудового дохода родителей [Бурдяк, Попова, 2007]. Следовательно, одной из важнейших проблем является преодоление конфликта между женской занятостью и материнством, который очень остро стоит в России [Синявская, Захаров, Карцев, 2007]. Одним из путей ее решения выступает создание условий для максимально широкого доступа детей к государственным и частным услугам по уходу за детьми и их развитию.

Доступность социальных услуг по уходу за ребенком имеет непосредственное отношение к вопросу создания равных возможностей для развития и инвестиций в детей. Неравенство в потреблении социальных услуг по уходу за детьми в зависимости от социально-экономического статуса семьи приводит к воспроизводству этого неравенства в будущих поколениях. Соответственно, нельзя недооценивать роль социальных инвестиций в детей для повышения общего благосостояния как будущей семьи каждого ребенка, так и общества в целом [Esping-Andersen, 2002]. Безусловно, важно как можно раньше не только ухаживать за ребенком, но и начинать развивать его способности. Исследования свидетельствуют о том, что наибольшую готовность к обучению, которая впоследствии трансформируется в успешное усвоение знаний

на следующих ступенях образования, ребенок проявляет до шести лет [Савицкая, 2004. С. 262].

На недостаток числа детских дошкольных учреждений и доступность услуг по уходу за детьми накладывается проблема низкого качества услуг, предоставляемых детскими садами. Родители, чьи дети посещают детские дошкольные учреждения, свидетельствуют о недостаточном количестве и качестве дополнительных занятий с детьми [Савицкая, 2004; Калабихина, 2004].

В условиях недостаточности государственных услуг высокого качества для детей и практически полного отсутствия частных услуг, основная нагрузка по воспитанию детей по-прежнему остается на семьях. Компенсируя проблемы институционального ухода, семьи могут прибегать к неформальным услугам по уходу за детьми, предоставляемым непрофессионалами в этой области – родственниками, соседями, друзьями. Согласно результатам опроса родителей дошкольников старшего возраста и специалистов сферы дошкольного образования, взрослому населению (в том числе матерям и бабушкам) экономически выгоднее работать и платить за детский сад для ребенка, чем сидеть дома и воспитывать его самому [Селиверстова, 2008].

Поэтому в данной работе мы будем анализировать систему дошкольного и внешкольного воспитания детей на уровне домохозяйства. Во-первых, мы опишем используемые в нашей работе понятия и классификацию услуг по уходу за детьми. Во-вторых, обратимся к данным государственной статистики для описания общих тенденций в сфере детского дошкольного образования. В-третьих, проанализируем масштабы потребления институциональных услуг по уходу за детьми и, в четвертых, мы обратимся к факторам, влияющим на потребление домохозяйствами институциональных услуг по уходу за детьми.

Услуги по уходу за детьми: понятия и классификация типов

Термин «социальные услуги по уходу за детьми» может относиться как ко всей совокупности этих услуг, предоставляемых профессионалами и непрофессионалами, так и к более узкой категории услуг, оказываемых профессионалами, зачастую в специально созданных детских учреждениях. В рамках данного исследовательского проекта мы использовали термин «социальные» в его втором смысле. Соответственно, были выделены два типа услуг по уходу за детьми в зависимости от их поставщика: (1) институциональные (социальные, формальные) и (2) неформальные услуги.

К институциональным услугам относятся услуги по уходу за детьми, их воспитанию и развитию, оказываемые в детских дошкольных учреж-

дениях, иных образовательных организациях, а также отдельными людьми, для которых эта деятельность является профессией (услуги воспитателей, педагогов, тренеров, профессиональных нянь).

В рамках проекта мы выделяем два эмпирических определения институциональных услуг¹: во-первых, в узком смысле – услуги по уходу за детьми (ясли или детский сад; группа кратковременного присмотра за детьми, группа продленного дня в школе; какая-нибудь другая группа по уходу за детьми, организованная родителями; постоянная няня). Во-вторых, в широком смысле: по уходу за детьми и их воспитанию / развитию (к определению в узком смысле добавляются занятия в кружках, спортивных секциях, студиях, детских развивающих центрах, а также индивидуальные занятия с преподавателями).

К неформальным услугам по уходу за детьми относится помощь от родственников, знакомых, соседей и других людей, для которых уход за детьми не является профессией (работой). Они включают услуги, оказываемые (а) членами домохозяйства и (б) другими родственниками, не живущими в домохозяйстве, для которых уход за детьми не является работой.

Следует отметить, что по данным обследования РиДМиЖ можно изучить только удовлетворенный спрос на услуги по уходу за детьми – то есть их фактическое потребление домохозяйствами. Вместе с тем существование и рост очереди в детские дошкольные учреждения свидетельствуют о том, что спрос на них превышает предложение. Несмотря на то, что обследование не позволяет выявить барьеры доступа к услугам по уходу за детьми в их строгом определении, в ряде случаев, отталкиваясь от характеристик семей, которые не пользуются определенными услугами, мы будем предполагать, что эти услуги тем или иным семьям недоступны. Например, существование барьеров в доступе к услугам можно выявить, анализируя масштабы их потребления в зависимости от материально-имущественной обеспеченности домохозяйства. Полное отсутствие доступа к услугам в данном проекте означает, что ни один ребенок в семье не пользуется ни одной услугой по уходу за детьми.

Детские дошкольные учреждения в отражении статистики

Детские дошкольные учреждения до сих пор являются основой всей институциональной системы по уходу за детьми и их развитию в России. Начиная с 1990 года их число стало резко сокращаться. При-

¹ В тексте под услугами по уходу мы будем подразумевать определение в широком смысле, если не указано иное.

чины этого снижения кроются не только в падении рождаемости, но и в отказе предприятий от социальной инфраструктуры, в состав которой входили в том числе дошкольные учреждения, и передаче ее на баланс муниципалитетов. Недостаток средств у муниципалитетов, в свою очередь, привел к закрытию ряда дошкольных учреждений. С начала 2000-х годов рождаемость начала расти, но тенденция к дальнейшему сокращению числа дошкольных учреждений и мест в них не изменилась. Если в 1999 году в стране действовало 53,9 тысяч дошкольных учреждений, то в 2009 году уже только 45,3 тысяч, то есть на 19 % меньше [Российский... 2010]. Число детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных учреждениях, с 2000 по 2009 год, напротив, увеличилось более чем на 1/4, в результате чего в настоящее время число детей превышает число мест (в 2009 году на 100 мест в дошкольных учреждениях приходилось 106 детей). В сочетании с неравномерным распределением учреждений по регионам и муниципалитетам это привело к резкому – почти в 10 раз – увеличению численности детей, стоящих на учете для определения в дошкольные учреждения – со 192,9 тысяч человек в 1999 году до 1895,0 тысяч в 2009 году [Социальное... 2010]. Очевидно, что при сохранении негативной динамики числа дошкольных учреждений и по мере увеличения числа детей ситуация с обеспеченностью их местами в дошкольных учреждениях будет усугубляться.

Значение проблемы доступности услуг по уходу за детьми не стоит недооценивать, поскольку по прогнозам Института демографии ВШЭ в ближайшее десятилетие число детей дошкольного возраста увеличится. Этот рост будет намного выше, чем тот, который наблюдался в последние годы. Между тем, как показало сопоставление данных о приросте числа детей, стоящих в «очереди» в дошкольные учреждения с данными об изменении числа детей в возрасте моложе семи лет, оба показателя изменяются не просто в одном направлении, но и почти в равной степени. Если предположить, что количество детских учреждений и мест в них продолжит тенденцию к сокращению, то при значительном увеличении численности детей в дошкольных возрастах («высокий» сценарий прогноза, подразумевающий рост рождаемости, смертности и высокий миграционный пророст), большинство из них окажется вне системы дошкольного воспитания.

Также нельзя забывать о том, что спрос на услуги дошкольных учреждений, измеряемый через численность детей дошкольных возрастов, – величина очень переменчивая. И начиная с середины 2020-х годов он опять начнет резко сокращаться. В условиях таких сильных колебаний, возможно, имеет смысл развивать не только дошкольные учреждения, но и профессиональные (институциональные) услуги по уходу за детьми, включая как различные группы, так и услуги нянь, гувернеров.

Доступность детских дошкольных учреждений сильно варьирует в зависимости от региона и типа поселения. Так, в городах и поселках городского типа находится 59 % всех дошкольных образовательных учреждений страны [Российский... 2010]. Охват дошкольными образовательными учреждениями детей в возрасте от года до шести лет в городах и поселках городского типа составляет 67 %, а в селе – 42 % [Социальное... 2010].

Если говорить об услугах по уходу за детьми и дошкольном воспитании в международном контексте, можно отметить, что лучше всего они развиты в странах Евросоюза (ЕС), где существенную роль в их регулировании и финансировании играет государство. Интерес к проблемам организации внесемейного ухода за детьми возник вследствие массового выхода женщин на рынок труда в 1970–1980-е годы и одновременного снижения рождаемости. В 2002 году, во время Барселонского саммита были сформулированы четкие цели в сфере услуг по уходу за детьми [Presidency conclusions... 2002]. Учитывая особенности спроса на уход за детьми в каждой отдельной стране, страны ЕС ставили целью ликвидировать причины, тормозящие женскую активность на рынке труда, и к 2010 году обеспечить охват домохозяйств услугами по уходу за детьми на уровне 90 % для детей от трех лет до школьного возраста и 33 % для детей младше трех лет. В настоящее время в западных исследованиях очень активно обсуждаются проблемы материнства, занятости и рождаемости [Andersen, 2002; Pailhe, Sinyavskaya, 2009], качества услуг по уходу за детьми [Quality of childcare... 2010], разделения полномочий по предоставлению услуг по уходу за детьми и дошкольному образованию [Kamerman, 2000; Neuman, 2005; Gallagher, Clifford, 2000; Hodgkin, Newell, 1996]. Кроме того, международными организациями постоянно выпускаются различные обзоры и доклады, посвященные данной тематике, например [Babies and Bosses... 2007; Starting Strong... 2001; Global Education Digest, 2010].

Масштабы потребления услуг по уходу за детьми

Изучение масштабов потребления услуг по уходу за детьми, а также факторов, влияющих на потребление услуг, осуществлялось на основе данных панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), две волны которого были проведены в 2004 и 2007 годах. Выборка первой волны насчитывает 11 261 домохозяйств, второй – 11 117 домохозяйств, панельная часть выборки 2007 года включает 7 786 домохозяйств. Почти в каждом четвертом домохозяйстве проживают дети респондента и / или его / ее партнера до 14 лет (2 810 семей в 2004 году и 2 460 в 2007 году).

Вопросы об использовании институциональных услуг по уходу за детьми задавались всем респондентам в каждой волне обследования

РидМиЖ. Но при этом если в первой волне изучалось потребление той или иной институциональной услуги домохозяйством с детьми в целом, то во второй волне – конкретно каждым из живущих в домохозяйстве детей респондента и / или партнера ¹.

В свою очередь, использование неформальных услуг может быть изучено на всей пространственной выборке первой волны и лишь на панельной составляющей второй, так как соответствующие вопросы в 2007 году задавались только повторно участвующим респондентам. В отношении ухода за детьми от не членов домохозяйства РидМиЖ позволяет понять, кем оказывались эти услуги и как часто ², но не кому из детей предназначался этот уход.

Уход за детьми внутри домохозяйства изучался на основе вопросов о том, выполняют ли члены семьи в отношении детей некоторые виды деятельности ³. Эти виды деятельности различаются по трудоемкости и регулярности их выполнения. Например, матери могут каждый день одевать детей, укладывать их спать, отцы проводить с детьми досуг по выходным, а бабушки – сидеть дома с заболевшими детьми. Учитывая несопоставимость различных услуг по их значению для ребенка, в рамках данного исследования мы считаем, что члены домохозяйства регулярно ухаживают за детьми, если они выполняют три действия: (а) одевают детей и следят, все ли в порядке с одеждой; (б) укладывают детей спать или контролируют, чтобы они пошли спать; (в) сидят дома с заболевшими детьми ⁴.

¹ Вопросы из обследования РидМиЖ: «Посмотрите, пожалуйста, на карточку и перечислите для каждого ребенка младше 14 лет все организации, чьими услугами Вы регулярно пользуетесь? Как часто?» (1 – ясли или детский сад; 2 – группа кратковременного присмотра за детьми, группа продленного дня в школе; 3 – какая-нибудь другая группа по уходу за детьми, организованная родителями; 4 – кружки, спортивные секции, студии, детские развивающие центры; 5 – другие организации по уходу за детьми и их воспитанию).

² В первой волне этому соответствует следующий вопрос обследования РидМиЖ: «Вам (также) регулярно помогают ухаживать за детьми младше 14 лет другие родственники – не члены Вашего домохозяйства, друзья, соседи или кто-то другой, для кого уход за детьми не является профессией?». Второй вопрос был тем же, но слово «профессией» было заменено на «работой». Далее выяснялось: «Кто Вам помогает?» и «Как часто?» (сколько раз в неделю, месяц или год).

³ Вопросы из обследования РидМиЖ: «Я буду называть Вам разные дела, которые необходимо делать в домохозяйстве, когда в нем живут дети. Скажите, кто в Вашем домохозяйстве делает то, что я буду называть (различные обязанности, касающиеся ухода за детьми)?»

⁴ Из необходимых видов деятельности в качестве критериев оказания помощи детям со стороны членов домохозяйства экспертным методом были исключены: (1) играют с детьми или участвуют в их досуге; (2) помогают детям делать уроки.

По данным РиДМиЖ-2007, потребителями институциональных услуг по дошкольному и внешкольному воспитанию детей выступают 65 % домохозяйств с детьми до 14 лет. В том числе пользуются хотя бы одной институциональной услугой по уходу в его узком определении (исключая кружки, секции) 42 % домохозяйств.

Опираясь на результаты анализа статистических данных, можно предположить, что доступность детских дошкольных учреждений для населения определяется во многом типом поселения и регионом проживания. В свою очередь, потребность в социальных услугах по уходу за детьми и их развитию зависит от числа детей в домохозяйстве и их возраста. Социально-экономические характеристики домохозяйств влияют при этом на возможность удовлетворения спроса на уход за детьми и их развитие за счет комбинации различных услуг, в том числе определяя финансовую доступность институциональных услуг для семей с детьми. Ниже рассмотрим различные характеристики семей и их влияние на потребление институциональных услуг по уходу за детьми.

Очевидно, что масштабы потребления услуг по уходу за детьми зависят, прежде всего, от возраста ребенка (рис. 1). Непосредственно уход в большей степени требуется детям дошкольного возраста, а школьники чаще нуждаются в услугах по воспитанию и развитию. Чаще всего в систему дошкольного воспитания включены семьи с детьми от четырех до шести лет, реже всего – с детьми младше полутора лет, что не удивительно, учитывая продолжительность установленных в России отпусков по уходу за детьми – оплачиваемого (до достижения ребенком полутора лет) и неоплачиваемого (до достижения им трех лет).

К профессиональной помощи в уходе за детьми обращаются менее 2 % семей с одним ребенком младше полутора лет и немногим более половины семей с ребенком от полутора до трех лет (рис. 1). Наиболее часто (83 %) к институциональным услугам прибегают семьи с дошкольниками старшего возраста (четырёх-шести лет), в которых большинство матерей уже вернулись на рынок труда.

В целом, домохозяйства с одним ребенком до 14 лет реже прибегают к институциональной помощи по уходу за ребенком, чем семьи с двумя детьми и более. Однако за этими общими цифрами скрываются различия по возрасту детей. Достаточно большой интервал между первым и вторым рождением детей позволяет матери, находящейся в отпуске по уходу за младшим ребенком, ухаживать и за старшим – в результате доля домохозяйств, обращающихся к профессиональной помощи, снижается. Семьи с двумя детьми и более, один из которых в возрасте до полутора лет, реже прибегают к институциональной помощи, чем семьи с двумя детьми более старших возрастов. Наименьшие различия в этом вопросе среди семей с одним ребенком и двумя детьми наблюдаются, если все они – дошкольники (то есть от полутора до шести лет) (рис. 1).

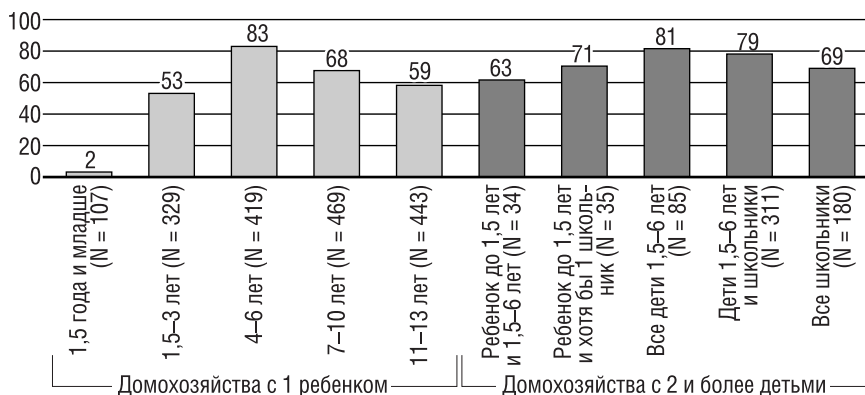

Рис. 1. Доля потребляющих институциональные услуги по уходу за детьми и их развитию в разрезе числа детей в домохозяйстве и их возраста (%), РиДМиЖ-2007)

Организация ухода за детьми в семье зависит от того, полная ли это семья и проживают ли в ней наряду с родителями и детьми другие родственники. Так, в семьях с одним родителем, где мать чаще вынуждена работать, чтобы обеспечивать семью, потребление институциональных услуг оказывается немного выше (на пять процентных пункта), чем в полных семьях (табл. 1). Но вместе с тем отсутствие партнера увеличивает риск того, что за ребенком вообще никто не будет ухаживать – ни с помощью институциональных услуг, ни силами членов домохозяйства. Если в семье есть другие взрослые, то ребенок, скорее всего, будет находиться под чьим-нибудь присмотром, но потребление институциональных услуг при этом сокращается.

Большая доля семей, которые не пользуются институциональными социальными услугами по уходу и развитию детей, проживают в сельской местности (45,4 % для селян и 33,1 % жителей областных центров). Причин может быть несколько: и отсутствие детских дошкольных учреждений в соответствующих населенных пунктах, и меньшая материальная обеспеченность сельских семей, и больше возможностей по воспитанию детей в семье за счет близкого проживания различных поколений родственников. На важность этого обстоятельства указывает тот факт, что дефицит потребления институциональных услуг на селе почти полностью компенсируется неформальными услугами: в селе доля потребляющих только неформальные услуги (внутри домохозяйства и извне) составляет 41,2 %, в то время как в областных центрах – 24,3 %.

Чем выше уровень образования матери, тем больше вероятность того, что домохозяйство будет привлекать институциональные услуги для ухода за детьми и их развития (табл. 1). Очевидно, что более образованные родители лучше принимают ценность внесемейного воспитания

ребенка для его более успешной социализации, адаптации в обществе и раннего развития. Вместе с тем дети из семей с менее образованными родителями оказываются ограниченными вдвойне: они реже посещают дошкольные или внешкольные учреждения или пользуются иными формами институциональных услуг и одновременно имеют меньше возможностей для развития в семье.

Связь между занятостью матери и потреблением институциональных услуг не вызывает удивлений. В условиях доминирования на рынке рабочих мест с полной занятостью работающие матери вынуждены отдавать своих детей в дошкольные или внешкольные учреждения, независимо от того, нравится ли им это. Поэтому 3/4 домохозяйств с детьми до 14 лет и работающими матерями являются реципиентами хотя бы одной институциональной услуги для детей (табл. 1). В остальных случаях к уходу за детьми привлекаются другие родственники, либо – если дети достаточно большие – они ухаживают за собой сами. Полностью исключены из всех видов услуг по уходу и развитию детей, в том числе неформальных, 3 % семей с неработающими женщинами и 6 % семей, где мать работает. В основном речь идет о семьях, где дети уже достигли школьного возраста.

Низкий уровень материальной и имущественной обеспеченности, действительно, ограничивает возможности получения социальных услуг по уходу за детьми. Институциональными услугами для детей не пользуется почти каждое второе (42 %) бедное домохозяйство ¹ с детьми до 14 лет, в то время как среди не бедных таких около 1/3 (табл. 1). Бедные семьи вынуждены компенсировать отсутствие институциональных услуг неформальными практиками ухода за детьми. Также очевидно, что более обеспеченные семьи имеют возможность выбирать для своих детей услуги более высокого качества.

Эти результаты подтверждаются также данными выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) ². По состоянию на конец 2007 года численность детей в возрасте до девяти лет, посещавших детские дошкольные образовательные учреждения (в процентах от численности обследованных детей в возрасте до девяти лет), увеличивается от первой (самой бедной) к пятой (самой богатой) 20-процентным доходным группам обследуемого населения на 21 процентных пункта.

¹ Бедные домохозяйства по материальной обеспеченности – совокупные доходы домохозяйства ниже регионального прожиточного минимума. Бедные домохозяйства по имущественной обеспеченности – домохозяйства, которые имеют не полностью благоустроенное жилье, или жилье площадью ниже социальной нормы при отсутствии второго жилья.

² Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств проводится Росстатом во всей субъектах Российской Федерации и охватывает 48,7 тыс. домашних хозяйств. Подробнее см.: www.micro-data.ru.

Таблица 1

**Доступ к социальным услугам по уходу за детьми и их развитию
 в разрезе социально-экономических характеристик домохозяйств
 с детьми до 14 лет и его членов (% по строке, РИДМИЖ-2007)**

<i>Социально-экономические факторы, влияющие на потребление социальных услуг по уходу за детьми и их развитию</i>	<i>Потребление институци- ональных услуг по уходу за детьми и их развитию</i>		
	<i>Хотя бы один вид услуг</i>	<i>Ни одного вида услуг</i>	<i>Всего</i>
Материальная обеспеченность			
Отсутствие бедности	69,4	30,6	100,0
Бедность: душевые совокупные доходы домохо- зяйства ниже регионального прожиточного минимума	58,5	41,5	100,0
Всего	64,6	35,4	100,0
Жилищная обеспеченность			
Отсутствие бедности	66,8	33,2	100,0
Бедность: жилье не полностью благоустроено, площадь ниже социальной нормы и нет второго жилья	58,5	41,5	100,0
Всего	64,6	35,4	100,0
Образование матери			
Среднее общее и ниже	54,1	45,9	100,0
Начальное профессиональное	62,7	37,3	100,0
Среднее профессиональное	68,8	31,2	100,0
Незаконченное высшее, высшее, постдипломное	73,6	26,4	100,0
Всего	65,5	34,5	100,0
Занятость матери			
Мать не работает	42,4	57,6	100,0
Мать работает	75,6	24,4	100,0
Всего	64,6	35,4	100,0
Наличие партнера в домохозяйстве			
Нет партнера в домохозяйстве	68,9	31,1	100,0
Есть партнер в домохозяйстве	63,8	36,2	100,0
Всего	64,6	35,4	100,0
Другие родственники в домохозяйстве			
0	66,5	33,5	100,0
1	59,0	41,0	100,0
2 и более	57,1	42,9	100,0
Всего	64,6	35,4	100,0

Таким образом, нынешнее социально-экономическое неравенство домохозяйств продуцирует неравенство детей в системе институциональных услуг по уходу за ними, и – шире – неравенство детей в возможностях развития. Неравенство детей в системе образования начинается не в вузе и даже не в школе: как показал анализ, оно начинается еще с дошкольного воспитания. В конечном итоге в отсутствие доступных социальных услуг хорошего качества для детей это способно привести к усилению социально-экономической поляризации общества в последующих поколениях.

Нехватка социальных услуг по уходу за детьми и их развитию, предоставляемых государственными и частными организациями, восполняется помощью членов домохозяйства, а также частными услугами от родственников, соседей, знакомых, которые не являются членами домохозяйства и для которых такая деятельность не является профессией. В силу недостатка средств для оплаты институциональных услуг низшие страты намного чаще опираются исключительно на помощь родственников и друзей, тогда как высшие страты по большей части совмещают институциональный и неформальный уход за детьми.

Вид потребляемых услуг зависит от возраста детей. Маленькие дети требуют намного больше ухода, нежели школьники. В возрасте старше семи лет дети уже могут самостоятельно одеваться, принимать пищу, однако они в большей степени нуждаются в развитии, то есть посещении кружков, секций, занятиях с преподавателями и пр. При этом уход за маленькими детьми проще организовать в семье. Поэтому не удивительно то, что в самых младших возрастах отсутствие институционального ухода за ребенком полностью компенсируется за счет неформальных практик (рис. 2). Более того, постоянный контакт с родителями, близкими родственниками, который ребенок получает в процессе этого ухода, положительно влияет на его дальнейшее развитие.

У дошкольников в целом наиболее распространена ситуация совмещения неформальных и институциональных услуг (80 %). Как правило, это подразумевает посещение детского сада и, возможно, каких-то кружков или секций, и помощь в уходе со стороны родственников, среди которых преобладают родители и бабушки. Бабушки могут даже не столько заниматься ребенком, сколько отводить в дошкольное учреждение и забирать его оттуда. В определенной мере эта помощь компенсирует не всегда удобные для работающих родителей часы работы детских учреждений. В результате, в возрасте до 7 лет практически во всех домохозяйствах ребенок получает хотя бы какой-то уход и развитие – либо от институтов, либо от членов домохозяйства, либо от людей, не являющихся членами семьи. По мере взросления ребенка сокращается потребность как в институциональных, так и в неформальных услугах по уходу.

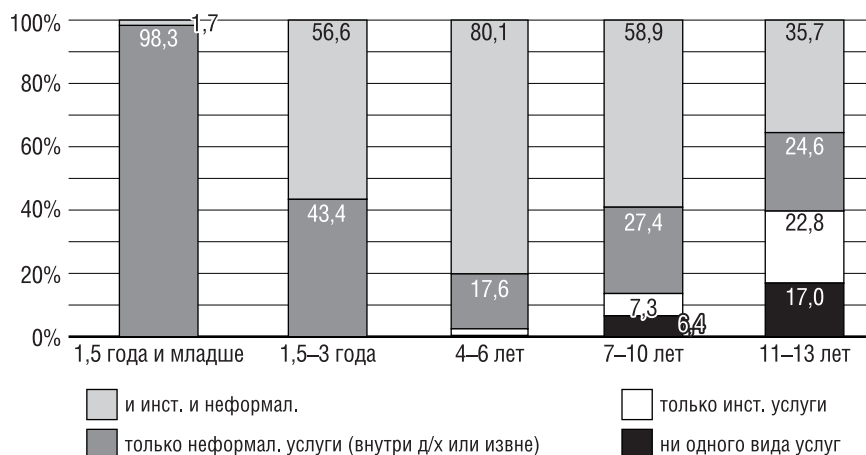

Рис. 2. Потребление неформальных и институциональных услуг по уходу за детьми и их развитию домохозяйствами с одним ребенком (%; РидМиЖ-2007)

Факторы потребления институциональных услуг по уходу за детьми

Одной из основных задач данной работы выступает анализ факторов удовлетворенного спроса на институциональные услуги. Потребление же неформальных услуг по уходу за детьми в рамках этого исследования рассматривается как способ компенсации семьями «провалов» государства в организации данной сферы.

Факторы, влияющие на вероятность того, что при прочих равных домохозяйство будет пользоваться институциональным уходом за детьми, выявлены с помощью моделей бинарных логистических регрессий, построенных на данных первой и второй волны РидЖиЖ. Зависимая переменная принимает значение 1, если семья прибегает к институциональным услугам по уходу за детьми, и нулевое значение – если не прибегает.

Регрессионные модели строились на данных 2004 и 2007 годов и на следующих подвыборках домохозяйств для каждого года: (1) домохозяйства с одним ребенком до 14 лет (без партнера); (2) домохозяйства с одним ребенком до 14 лет и партнером; (3) домохозяйства с детьми до 14 лет (без партнера); (4) домохозяйства с детьми до 14 лет и партнером.

Кроме того, были использованы две различные спецификации социально-экономических параметров: (а) интегральный показатель принадлежности к стратификационной группе – от низшего к обобщенному среднему классу; (б) использование отдельных переменных: образование матери, занятость матери, логарифм среднедушевых дефлированных доходов домохозяйства. Другие переменные, включенные в обе спецификации, являются следующими: охват детей детскими дошкольными учреждениями;

численность детей, стоящих на учете в детские дошкольные учреждения; возраст ребенка; наличие партнера в домохозяйстве (для соответствующих подвыборок); наличие других родственников в домохозяйстве; тип поселения; частота встреч с матерью респондента, то есть с бабушкой ребенка (для 2004 года); размер сети по неформальным услугам ухода за детьми; размер сети по материальным трансфертам (для 2004 года); тип распределения обязанностей между партнерами (для 2004 года); установки относительно того, кто должен заботиться о школьниках; установки относительно того, кто должен заботиться о дошкольниках; установки по вопросу того, плохо ли дошкольнику, если его мать работает.

Мы полагали, что удовлетворенный спрос на формальные (институциональные) услуги по уходу за детьми будет зависеть, прежде всего, от числа и возраста детей, а также от параметров их доступности домохозяйству – обеспеченности региона и типа поселения детскими дошкольными учреждениями, материально-имущественного положения семьи. Вместе с тем потребление услуг будет зависеть также от желания и необходимости пользоваться ими, которые мы измеряли, соответственно, через установки относительно занятости матерей и роли общества в воспитании детей, и фактическую занятость матери. Поскольку часы работы многих учреждений для детей плохо совместимы с занятостью родителей на полную ставку, мы полагали, что неформальный уход за детьми будет, скорее, расширять возможности институционального ухода, а не заменять его [См. об этом: Ибрагимова, 2007].

Модели регрессионного анализа позволили выявить факторы использования институционального ухода за детьми в российских домохозяйствах при контроле прочих факторов. Следует отметить то, что некоторые закономерности в потреблении институциональных услуг, выявленные ранее при анализе этого вопроса на данных РИДМиЖ-2004 [Синявская, Гладникова, 2007], подтвердились в данном исследовании, проведенном на базе обеих волн и для несколько модифицированного набора переменных. Используемые спецификации моделей лучше объясняют потребление услуг семьями с одним ребенком. Меньшее количество значимых переменных в семьях с несколькими детьми отражает, во-первых, большую гетерогенность выборки – очевидно, что первый и второй ребенок получают разные услуги и доступ к ним обусловлен действием различных факторов. Во-вторых, сказывается меньший объем выборки.

Кроме того, так же, как и в исследовании на данных РИДМиЖ-2004, мы подтвердили, что лучше всего вариация в потреблении институциональных услуг объясняется возрастом ребенка или детей, их числом, а также социально-экономическими характеристиками матери (уровнем ее образования, наличием у нее занятости) и материально-имущественным статусом домохозяйства. Причем эффект этих переменных, и особенно возраста ребенка, в 2007 году стал намного сильнее.

В исследовании на данных 2004 года статистически значимым было влияние состава домохозяйства: реже всего обращались к помощи профессионалов в уходе за детьми полные семьи с другими родственниками, чаще всего – семьи одиноких матерей без других родственников. В моделях, использованных в данном исследовании, сохранились различия между полными и неполными семьями, но исчезло влияние других членов домохозяйства. Последнее можно, по-видимому, объяснить более аккуратным учетом поступающей помощи – как финансовой, так и в уходе за детьми.

Различия в предложении услуг дошкольного и внешкольного воспитания, выявленные ранее через эффект типа поселения, можно также оценить, используя переменные макроуровня, характеризующие региональный охват дошкольными учреждениями. По данным проведенного исследования, охват детей такими формами заботы в целом увеличивает вероятность того, что домохозяйство будет пользоваться институциональными услугами по уходу за детьми. Исключение составляют модели на выборке домохозяйств с одним ребенком и партнером. В тексте статьи мы представляем таблицу результатов оценивания регрессионной модели на данных 2004 года для домохозяйств с одним ребенком (табл. 2).

Возможно, в семьях с одним ребенком и партнером потребность в институциональном уходе за детьми не столь велика и, соответственно, меньше зависит от региональных параметров предложения этих услуг. Эффект размера очереди детей в детские дошкольные учреждения, вопреки ожиданиям, оказался положительным, однако коэффициент слабо отличается от единицы, что можно трактовать, скорее, как отсутствие непосредственной связи между косвенным показателем неудовлетворенного спроса и фактическим потреблением услуги домохозяйством.

В данном исследовании была также использована альтернативная спецификация показателя социально-экономического статуса домохозяйства, вобравшая в себя и материально-имущественные, и профессиональные, и образовательные характеристики. Результаты оценивания показывают, что вариация по социальным стратам оказывается намного более выраженной, чем по отдельным показателям. Чем выше на социальной лестнице находится домохозяйство, тем больше вероятность того, что оно будет прибегать к институциональным услугам для ухода за своими детьми. Причем в 2007 году связь потребления этих услуг и социального статуса возрастает.

Одна из особых задач данного исследования состояла в изучении роли семьи как компенсатора недостатков государственной системы дошкольных и внешкольных услуг для детей. Для этого мы оценивали связь потребления этих услуг с возможностью получения неформальных услуг по уходу за детьми, межсемейными обменах финансовыми ресурсами и распределением обязанностей между партнерами в семье.

Таблица 2

Результаты оценивания моделей бинарно-логистической регрессии с зависимой переменной «вероятность потребления институциональных услуг по уходу за детьми» среди домохозяйств с одним ребенком до 14 лет (РиДМиЖ-2004)

<i>Факторы</i>	<i>Выборки</i>					
	<i>Домохозяйства с одним ребенком до 14 лет</i>			<i>Домохозяйства с одним ребенком до 14 лет и партнером</i>		
	<i>B</i>	<i>Sig</i>	<i>Exp (B)</i>	<i>B</i>	<i>Sig</i>	<i>Exp (B)</i>
Охват детей ДДУ в % от численности детей в возрасте 1–6 лет	0,01	0,090	1,013	0,01	0,174	1,011
Численность детей, состоящих на учете в ДДУ, в расчете на 1000 детей в возрасте 1–6 лет	0,001	0,516	1,001	0,002	0,222	1,002
<i>Возраст ребенка в д/х с 1 ребенком (референтная группа – 1,5 года и младше)</i>						
1,5–3 года	3,15	0,000	23,328	3,14	0,000	23,19
4–6 лет	4,40	0,000	81,106	4,39	0,000	80,79
7–10 лет	2,22	0,000	9,205	2,22	0,000	9,209
11–13 лет	1,11	0,050	3,042	1,11	0,051	3,030
<i>Наличие партнера в домохозяйстве (референтная группа – нет партнера)</i>						
есть партнер	–0,60	0,008	0,553			
<i>Наличие других родственников в домохозяйстве, кроме респондента и партнера (референтная группа – нет других родственников)</i>						
есть другие родственники	0,12	0,639	1,122	0,30	0,240	1,353
<i>Тип поселения (референтная группа – село)</i>						
город	0,10	0,555	1,106	0,07	0,720	1,068
<i>Принадлежность к стратификационной группе (референтная группа – низший класс)</i>						
обобщенный средний класс	1,41	0,000	4,079	1,09	0,013	2,971
периферия среднего класса	1,48	0,000	4,371	1,12	0,007	3,068
класс ниже среднего	1,00	0,007	2,711	0,62	0,138	1,848
периферия бедности	0,90	0,013	2,463	0,44	0,291	1,545

Факторы	Выборки					
	Домохозяйства с одним ребенком до 14 лет			Домохозяйства с одним ребенком до 14 лет и партнером		
	<i>B</i>	<i>Sig</i>	<i>Exp (B)</i>	<i>B</i>	<i>Sig</i>	<i>Exp (B)</i>
Частота встреч с матерью (референтная группа – реже раза в неделю)						
чаще раза в неделю	–0,27	0,085	0,770	–0,31	0,056	0,732
Размер сети по неформальным услугам по уходу за детьми, партнер и дети исключены из сети (референтная группа – 0)						
1	0,71	0,001	2,038	0,92	0,000	2,508
2	0,54	0,002	1,716	0,58	0,002	1,779
3 и более	0,58	0,077	1,793	0,70	0,049	2,012
Размер сети по материальным трансфертам (референтная группа – 0)						
1	–0,15	0,527	0,859	–0,032	0,240	0,726
2	0,30	0,381	1,345	0,67	0,074	1,949
3 и более	0,58	0,095	1,781	0,37	0,323	1,446
Установки относительно типа распределения обязанностей между партнерами (референтная группа – эгалитарное распределение обязанностей)						
традиционное распределение обязанностей	–0,27	0,104	0,762	–0,28	0,102	0,760
Установки относительно заботы о школьниках (референтная группа – семья или и семья и общество в равной степени)						
преимущественно или скорее общество	–0,42	0,088	0,659	–0,39	0,137	0,679
Установки относительно заботы о дошкольниках (референтная группа – семья или и семья и общество в равной степени)						
преимущественно или скорее общество	–0,25	0,613	0,779	–0,25	0,638	0,783
Для дошкольника плохо, если мать работает (референтная группа – не согласны с утверждением)						
полностью согласны	–0,67	0,003	0,514	–0,87	0,000	0,418
Константа	–4,62	0,000	0,010	–4,73	0,000	0,009
<i>Nagelkerke R Square</i>	0,406			0,406		
<i>Число наблюдений</i>	1280			1110		

Примечание: жирным шрифтом выделены факторы, значимые, по крайней мере, на уровне 0,1.

Мы отдаем себе отчет в том, что решения о привлечении неформальной помощи в уходе за детьми и обращении к профессиональным услугам в этой сфере могут приниматься одновременно. И связь между двумя этими решениями может идти в обоих направлениях, что, к сожалению, означает наличие эндогенности. Мы не знаем, как соотносятся между собой объемы получаемой помощи от близкого окружения и институтов. Однако, по крайней мере, в отношении наиболее массовых услуг для детей 4–6 лет есть основания полагать, что при прочих равных семье будут стремиться к тому, чтобы ребенок ходил в детский сад и имел доступ к каким-либо другим видам услуг, привлекая для этого помощь со стороны ближайшего окружения [Ибрагимова, 2007]. Этим обусловлено включение неформальных услуг в качестве объясняющей переменной.

Результаты анализа показали, что оба вида ухода за детьми дополняют друг друга, а не являются конкурентами. При этом вероятность использования институциональных услуг наиболее высока в семьях с одним ребенком, которые получают неформальную помощь из одного источника, а в многодетных семьях – из нескольких источников. Вместе с тем частота встреч с матерью респондента – бабушкой ребенка (без уточнения причин этих встреч) отрицательно влияет на то, что ребенок будет пользоваться профессиональной помощью. Поскольку переменная размера сети по неформальному уходу за детьми не уточняет интенсивность оказания этого ухода, можно предположить, что сама по себе возможность получить помощь в уходе за ребенком от ближайшего окружения позволяет решать проблемы не всегда удачного совмещения графиков работы детских учреждений и работы родителей. Частый неформальный уход за детьми, главным образом, со стороны бабушек, означает, видимо, альтернативу институциональному уходу.

Размер сети межсемейного обмена финансовыми ресурсами (в сеть включались как доноры, так и реципиенты) также увеличивает вероятность потребления институциональных услуг, независимо от числа детей. Но статистическая значимость данного фактора прослеживается, начиная с размерности в три человека и более.

Отношения между партнерами в домохозяйстве, согласно модели 2004 года, накладывают отпечаток на тип ухода, который будет получать единственный ребенок в семье. Так, традиционное распределение обязанностей в семье, в отличие от эгалитарного, снижает вероятность домохозяйства использования услуг детских садов, нянь, групп продленного дня и пр.

Такое же направление связи сохраняется и с представлениями респондентов о допустимости занятости матери дошкольника. В 2004 году дети респондентов, считающих, что для дошкольника плохо, если его мать работает, реже оказывались в системе институционального ухода.

Оба факта свидетельствуют о том, что традиционные установки в отношении семьи, воспитания детей и гендерных ролей снижают спрос на услуги детских учреждений и повышают шансы того, что ребенок будет воспитываться в семье. Связь же фактического использования институциональных услуг по уходу за детьми с установками более общего характера о том, кто должен заботиться о детях – общество или государство, выражена менее явно.

* * *

Проведенный анализ показал то, что потребность семей в институциональных услугах по уходу и развитию детей остается на высоком уровне, превышающем их предложение. Продолжается тенденция снижения числа дошкольных учреждений и увеличения числа детей, стоящих на очереди для определения в детские сады. Есть основания считать, что даже существующее предложение таких услуг ни по количеству, ни по качеству пока не соответствует расширяющимся потребностям домохозяйств, связанным с ростом рождаемости и развитием общества.

В настоящее время отсутствие институциональных услуг по уходу за детьми и их развитию в значительной мере компенсируется неформальными – межсемейными и дружескими – сетями поддержки. В большей степени такая практика распространена в сельской местности и для домохозяйств с детьми дошкольного возраста. В результате доля детей до 14 лет, не потребляющих никаких услуг по уходу и развитию, оказывается не более 5 %.

Тем не менее помощь со стороны родственников не способна полностью заменить ценность услуг внесемейного воспитания, которые обеспечивают условия для ранней социализации детей и часто – для их более успешного развития. Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что вне системы институциональных услуг чаще оказываются дети из менее обеспеченных семей с менее образованными родителями, которым труднее обеспечить условия для раннего развития ребенка внутри семьи.

Вариация в фактическом потреблении услуг по уходу за детьми, которое позволяет изучить обследование РиДМиЖ, складывается из различий в изначальном спросе на эти услуги и существования различных барьеров по его удовлетворению. Различия в спросе зависят, по-видимому, от образовательного и профессионального статуса родителей. Чем этот статус выше, тем больше родители понимают важность раннего развития детей.

Наличие барьеров фиксирует отрицательная связь между вероятностью получения институциональных услуг и доходами домохозяйства. Это в меньшей степени, безусловно, касается наиболее массового в России государственного учреждения для детей – детских садов, но проявляется

ся в неравном использовании кружков, секций, занятий с преподавателями и частных услуг по уходу за детьми. Следует отметить то, что рынок услуг по уходу за детьми в России практически не развит. Существующие услуги нянь, гувернеров доступны лишь малой наиболее обеспеченной части населения.

Влияние структурных барьеров – физического отсутствия мест в детских дошкольных учреждениях – проявляется через связь потребления институциональных услуг с региональными показателями охвата детей этими учреждениями и типом поселения.

Наконец, тот факт, что подавляющее большинство российских женщин трудится на условиях полной занятости, затрудняет использование институциональных услуг, так как часы работы соответствующих учреждений часто совпадают с часами работы матери ребенка. Речь, прежде всего, идет об услугах кружков, секций. Однако в крупных городах женщина может не успевать забирать ребенка и из детского сада, и из школы. В этом случае на помощь может прийти ближайшее социальное окружение родителей ребенка. Эта гипотеза проверялась в данной работе и получила подтверждение. Таким образом, неформальные внутрисемейные и межсемейные связи компенсируют дефицит институциональных учреждений по уходу за детьми.

Исходя из прогнозных оценок роста числа детей до шести лет и динамики количества мест в дошкольных учреждениях, очевидно, что ситуация с обеспеченностью семей детскими садами ухудшится. Однако, принимая во внимание сильные колебания численности детей дошкольных возрастов в России, следует, видимо, инвестировать не только (или даже не столько) в создание новых мест в детских дошкольных учреждениях, сколько в развитие других профессиональных услуг по уходу за детьми, которые должны быть доступны для большей части населения с детьми. Вопрос о качестве таких услуг играет не последнюю роль, поскольку влияет на спрос на институциональные услуги для детей со стороны более обеспеченных домохозяйств.

Эффект же от развития качественных услуг по уходу и воспитанию детей и обеспечения их широкой доступности выходит за рамки только семейной политики. Он, очевидно, работает на интересы рынка труда, поскольку, с одной стороны, позволяет матерям совмещать профессиональную деятельность и семейные обязанности, а с другой – создает новые рабочие места в сфере услуг, которые традиционно занимают женщины. Одновременно он отвечает задачам долгосрочного социально-экономического развития, поскольку широкая доступность качественных услуг для детей означает, во-первых, инвестиции в человеческий потенциал страны, а во-вторых, смягчает проявления социально-экономического неравенства, выравнивая возможности для развития детей в раннем возрасте.

Список литературы

Бурдяк А. Я. Попова Д. О. Причины бедности семей с детьми: по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области // СПЭРО. 2007. № 6 (весна-лето). С. 31–56.

Ибрагимова Д. Х. Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / ред. Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: НИСП, 2007.

Калабихина И. Е. Гендерные вопросы в России в конце XX века: фокус-групповое исследование в городской и сельской местности. М.: Акисфлат, 2004.

Овчарова Л. Н. Пишняк А. И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // СПЭРО. 2007. № 6 (весна-лето). С. 5–30.

Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. М.: Росстат, 2010.

Савицкая Е. В. Некоторые итоги системы исследования системы детского дошкольного образования // Вопросы образования. 2004. № 4. С. 261–277.

Селиверстова И. В. Охват детей дошкольным образованием: уровень, межрегиональная дифференциация и ее причины // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 199–209.

Синявская О. В., Gladnikova E. B. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / ред. Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: НИСП, 2007.

Синявская О. В., Захаров С. В., Карцева М. А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / ред. Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: НИСП, 2007.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010: стат. сб. М.: Росстат, 2010.

Babies and Bosses – Policies towards reconciling work and family life. 2007 // <http://www.oecd.org/dataoecd/20/23/39696356.pdf>.

Esping-Andersen G. A Child-Centred Social Investment Strategy / Why We Need A New Welfare State. 2002. N. Y.: Oxford University Press. P. 26–67.

Gallagher J., Clifford R. C. The missing support infrastructure in early childhood // *Early Childhood Research and Practice.* 2000. Vol. 2. № 1. P. 1–24.

Global Education Digest 2010. Comparing Education Statistics Across the World / UNESCO Institute for Statistics. Montreal: UIS, 2010.

Hodgkin R., Newell P. Effective government structures for children: report of a Gulbenkian Foundation inquiry. L.: Gulbenkian Foundation, 1996.

Kammerman S. B. Early childhood education and care: an overview of developments in the OECD countries // *International Journal of Educational Research.* 2000. Vol. 33. № 1. P. 7–30.

Neuman M. J. Governance of early childhood education and care: recent developments in OECD countries // *Early Years.* 2005. Vol. 25. № 2. P. 129–141.

Pailhe A., Sinyavskaya O. The work of women in France and Russia: The impact of children and gender values // *Families, east and west: a half century of changes*

in Europe. *Revue d'études comparatives est-ouest*. 2009. Vol. 40. № 3–4. September–December.

Presidency conclusions. Barcelona European Council 15 and 16 March 2002. P. 12.

Quality of childcare and early education services / OECD Family Database. 2010. July 1 // <http://www.oecd.org/dataoecd/45/30/37864559.pdf>.

Starting strong: early childhood education and care. Paris: OECD, 2001.

Анна Сергеевна Сухова
магистр социологии, аспирантка кафедры экономической социологии
НИУ – ВШЭ, Москва
электронный адрес: anna_sukhova@inbox.ru
